

В. П. Шереметевым и др. Более подробно объясняется причина изгнания Аввакума из Юрьевца-Повольского.

Второй отрывок уточняет некоторые данные о пребывании Аввакума в Москве (о жизни у Ивана Неронова и др.).

В третьем и четвертом отрывках указываются другие сроки, проведенные Аввакумом в пути от Москвы до Тобольска („пятнадцать недель“ вместо „тринадцати“) и от Даурии до Москвы („два года“ вместо „трех лет“), а также сказано, что в Тобольске Аввакум „жил полтора года, у церкви“, и др.

Следующий отрывок относится к увещаниям Аввакума перед собором 1666 года и на соборе. Здесь, между прочим, впервые сообщается о том, что по прибытии Аввакума с Мезени, прежде чем отправить его в Боровский Пафнутьев монастырь, его отдали крутицкому митрополиту Павлу на уговоры, у которого он пробыл пять дней, на его дворе в Крутицах, подвергаясь всяким мучениям. Как сообщает Аввакум, этот митрополит не оставил его и после. Игумен Пафнутьева монастыря, следуя указаниям крутицкого владыки, девять недель „мучил“ протопопа, „переменяя чеши“ и „волоча в церковь на всяк день, говоря: приобщися нам“. Ярко обрисовано в этом отрывке поведение отдельных главарей церкви при спорах с Аввакумом. „Питирим же, — пишет Аввакум, — яко красная девка нишкнет — только вздыхает“. Павел Крутицкий, наоборот, „лаяше“ Аввакума и „посылаше к чорту“.

Последний, шестой, отрывок, названный нами „В Пустозерской темнице“, интересен тем, что в нем более подробно описывается внутренний вид земляной тюрьмы Аввакума.

Рассказ о сожжении Аввакума печатается по той же рукописи. Он находится в ней вслед за Житием Аввакума. Здесь этот рассказ дается в сокращенном виде.

Следующие за сочинениями Аввакума семь документов публикуются по рукописям Центрального Государственного архива древних актов.

Отписка воеводы Афанасия Пашкова и челобитная даурских служилых людей о наказании протопопа Аввакума кнутом хранятся в делах Сибирского приказа, № 508, лл. 184—187 и 188—193.¹ Эти два документа по-иному, чем Аввакум, освещают причину наказания его кнутом. Последний свою ссору с воеводой, приведшую его на „козел“, объясняет тем, что он попытался воспрепятствовать желанию Пашкова отдать замуж двух шестидесятилетних вдов, которые ехали постричься в монастырь. „И чем бы ему, послушав меня, — пишет Аввакум в автобиографии, — и вдов отпустить, а он вздумал мучить меня, осердясь“.² Это произошло на Шаманском пороге реки Верхней Тунгуски.

На соседнем Долгом пороге той же реки Тунгуски Пашков, воспользовавшись тем, что лодка ссыльного протопопа идет медленно, и мстя ему за происшедшее, стал „выбивать“ его на берег, говоря: „Для-де тебя дощеник худо идет! Еретик-де ты! Поди-де по горам, а с казаками не ходи!“³

Горы были высокие и непроходимые. Впереди ждала верная смерть. Это, вероятно, побудило Аввакума обратиться к воеводе с письмом, однако не отличавшимся смирением, судя по началу, которое он приводит в своем „Житии“. „И яз ему малое писаньейце написал, — пишет Аввакум, — сице начало: «Человече! Убойся бога, сидягаго на херу-

¹ Отписка была опубликована в 1939 году в Париже, но не точно.

² Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. 1, вып. 1. Русская историческая библиотека, т. XXXIX, 1927, стлб. 21.

³ Там же, стлб. 21.